Н. В. Трофимова

«ПОВЕСТЬ О БИТВЕ НА ЛИПИЦЕ» В ПЕРЕРАБОТКАХ ЛЕТОПИСЦЕВ XV–XVI вв.

Повесть о битве на Липице – один из текстов, активно развивавшихся в летописании. История его в соотношении с историей русских летописных сводов детально рассмотрена в работе Я.С. Лурье[1]. В произведении рассказывается о междоусобной войне, возникшей в результате захвата части новгородских земель и пленников Ярославом Всеволодовичем и приведшей к изгнанию Юрия Всеволодовича с Владимирского княжения и вокняжению Константина Всеволодовича.

Ранняя редакция ее помещена в Новгородской I летописи, где текст представляет собой необычную для летописания этого княжества событийную повесть, имеющую трехчастную структуру. Она подробно описывает подготовку к битве: сбор войск Мстиславом Удалым и Владимиром Псковским, захват ими владимиро-суздальских городов, соединение с Константином и ростовским войском, расположение сил противников, попытку мирных переговоров со стороны Мстислава, пытавшегося вернуть попавших в плен дружинников и получить захваченный Волок обратно; отказ от мира Ярослава и Юрия. В повествовании этой части значительную роль приобретает прямая речь персонажей: из 7 речей 6 приходятся на рассказ о событиях, предшествовавших сражению. Две из них – реплики князей в разговоре, две – слова воинов, две – посольские речи. Реплики князей выражают приказания или намерения, т. е. прямо связаны с развитием событий. Мстислав перед походом призывает новгородцев запастись всем необходимым: «Идете в зажития» (55)[2], а затем, не соглашаясь с предложением воинов идти на Торжок, захваченный Ярославом, решает вместе с Владимиром Псковским: «Поидемъ к Переяславлю, есть у наю третии другъ» (55).

Посольские речи в произведении несколько более пространны. Они документальны и «историчны (или считаются таковыми по преданию)»[3]. Две речи, появившиеся в ходе неудачных переговоров о мире, действительно значительны

по содержанию и объясняют ход дальнейших событий. Первая речь, переданная Ларионом-сотским, обращена сначала к Юрию, а затем к Ярославу: «Кланяемъ ти ся, нету ны с тобою обиды, съ Ярославомъ ны обида; пусти мужи мои новгородци и новоторжьци и, что еси зашьлъ волости нашеи новгородьскои Волокъ, въспяти; миръ с нами възьми, а кресть къ намъ цѣлуи; а кръви не проливаеме» (56). Краткость реплики, ясность изложенных требований отвечают традиции посольских речей, сложившейся уже в XI–XII вв. Одновременно эта речь характеризует князей, выдвигающих условия мира: они не желают братоубийственной войны, а стремятся лишь к восстановлению порядка, нарушенного захватом Ярославом чужих владений.

Характеристику князей-противников Мстислава дает их ответ, также переданный через Лариона: «Мира не хочемъ, мужи у мене; а далече есте шли, и вышли есте акы рыбы на сухо» (56). Упорство, нежелание предотвратить междоусобную битву, гордость собственными силами и презрение к противнику явственно звучат в этой реплике, в которой нет ни единого лишнего слова, а использованное сравнение ярко выражает убежденность в незначительности сил Мстислава.

Первая реплика воинов, предлагавших идти на врага к Торжку, носит, видимо, документальный характер, но никак не комментируется в повести. Вторая же служит ответом на известие, принесенное Ларионом, о неизбежности битвы: «Княже, не хочемъ измерети на конихъ, но яко отчи наши билися на Кулачьскеи пеши» (56). Эта реплика предвосхищает ход событий и подчеркивает решимость воинов биться до смерти, а упоминание о битве на Колокше указывает на то, что у новгородцев есть опыт таких битв. Вероятно, они имели в виду сражение 6605 (1097) г., упомянутое летописью, в котором новгородцы победили Олега Святославича (19; 202). Не случайно за этой репликой следует сообщение, что «князь же Мьстислав радъ бысть тому» (56).

Рассказ о битве начинается с эпизода спешивания новгородских воинов. Само сражение описано очень кратко, наибольшее внимание уделено бегству полков Ярослава и Юрия. Использованы формулы Божьей помощи и дважды – бегства «вда плеци (плече)». Точно указана дата боя.

В третьей части повести подробно рассказано о бегстве князей в свои города, сдаче Владимира и вокняжении там Константина, возвращении Мстиславу пленных новгородцев

и дочери – жены Ярослава. Завершает историю похода новгородская формула «придоша... съдрави вси», а за ней следует перечень убитых новгородцев, в других летописях появляющийся только в значительно более поздних записях. В этой части помещена последняя посольская речь, принадлежащая Юрию, вынужденному смириться с потерей Владимира. Осажденный в своем городе, неспособном противостоять врагам, он смиренно просит через посла: «Не деите мене днесь, а заутра поиду из города» (56). Эта реплика определяет дальнейшие события и в то же время подчеркивает унижение князя, так гордившегося своей силой.

Летописец сдержан в изображении героев, хотя их поступки и речи ясно характеризуют их главные черты. Отношение свое к событиям автор выражает трижды. «Оле страшно чюдо и дивно, братье; поидоша сынове на отця, брат на брата, рабъ на господина, господинъ на рабъ» (56), – восклицает повествователь, рассказав о приходе войск к будущему месту битвы. Эта реплика новгородского летописца прямо перекликается с размышлениями автора «Слова о полку Игореве»: «Рѣкоста бо братъ брату: "Се мое, а то мое же". И начяша князи про малое се великое млъвити, а сами на себѣ крамолу ковати» (6)[4]. Авторы произведений, современники, скорбят о разрыве князьями кровных уз во время междоусобиц. После битвы летописец дважды оценивает ее результаты: «О, мъного побѣды, братье! бещисльное число, око не можеть умъ человѣчьскъ домыслити избьеныхъ а повязаныхъ» (56), «О, великъ е, братье, промыслъ Божии...» (57) – восклицает он, имея в виду, что поражение потерпела виновная сторона, князья, затеявшие усобицу и не желавшие идти на мирные переговоры. Позиция повествователя выражается традиционным для новгородской летописи способом – эмоциональными репликами, только они более многочисленны и пространны, чем в других повестях.

Изображение персонажей в произведении тесно связано с личностью летописца-новгородца: большее внимание уделено Мстиславу, его союзникам и его войску, но, явно осуждая зачинщика усобицы Ярослава, автор подчеркивает своим отступлением мысль о неестественности междоусобных войн вообще.

В тексте Рогожского летописца повесть о битве на Липице помещена под 6723 (1215) г. В отличие от НIЛ, где пространный рассказ о причинах междоусобицы помещен в предыдущей летописной статье и отделен от основного пове-

ствования, в начале текста редактор кратко сообщает о поводе к военным действиям, перечисляя те беды, которые принес новгородской земле Ярослав Всеволодович, захвативший Торжок и взявший в плен купцов. Выступление Мстислава с новгородцами мотивировано уроном, нанесенным их землям. Такое перемещение в тексте придает повествованию большую обоснованность и цельность. В первой части повести кратко сообщается о составе двух враждующих сторон. Переговоры представлены двумя посольскими репликами: Мстислава, уговаривающего не проливать крови, и Ярослава, отказывающегося от предложенного мира.

Краткое описание битвы начинается с сообщения, бывшего в НIЛ, о спешивании новгородских воинов, а далее в него включен фрагмент авторского отступления, превращенный редактором в элемент повествования: «...и поидоша братъ на брата, отцы на сыны, сыны на отци, раби на господу...» (26)[5]. Изменение функции отрывка, который в новгородских и более поздних общерусских сводах выражал отрицательное отношение автора к междоусобным войнам, делает его менее выразительным и приглушает его оценочное значение, тем более что в продолжении той же фразы использованы две повествовательные формулы: «и бысть побоище зло», «и паде Ярославлихъ бес числа, а иныхъ изымаша» (26). В повести отсутствует рассказ о результатах битвы, весьма пространный в других летописях.

Такое сокращение текста отвечало основным принципам работы редактора Рогожского летописца. Во-первых, это стремление к краткости, передача минимума необходимых сведений. Во-вторых, нежелание давать прямые характеристики героев, что приводит к отсутствию авторских отступлений и оценочных изобразительно-выразительных средств. В-третьих, исключение последовательных батальных описаний, замененных немногочисленными деталями и формулами. Такой подход к работе с текстами предшественников, посвященными событиям прошлого, свидетельствует о стремлении выбрать основное и объективно отразить ход действия, что свидетельствует о некотором прагматизме редактора, который о событиях своего времени, напротив, повествует детально.

Редакция повести в Софийской I летописи близка к Новгородской IV. Это говорит о создании данной редакции автором общего протографа двух летописей. По сравнению с ранней новгородской и рогожской редакциями повесть сильно рас-

пространена, структура ее значительно сложнее. Первая часть точно указывает дату выступления новгородского войска во главе с Мстиславом в поход «месяца марта въ 1 день въ вторникъ» (263)[6] и кратко сообщает об осаде небольших городков Городца и Ржевки в форме погодных записей. Основное место в этой части уделено переговорам князей об условиях возможного мира, рассказ о которых перемежается краткими сообщениями о передвижении войск и сопровождающих его небольших сражениях. Так, повествуется о посылке сторожевого отряда Ярославом и битве с ним Яруна, отправленного вперед «с молодыми людми», который сумел победить противника, и автор прямо отмечает: «То же бысть первая побѣда на нихъ на Благовѣщение» (264). Далее рассказывается о пути войск Мстислава, захвативших и сжегших ряд городков Ярослава, о посольстве Константина, соединении войск и сборе сил Юрием. В этом фрагменте появляется авторское отступление, бывшее в более ранних сводах, о противоестественности совершающихся событий.

Вслед за сообщением о новых безрезультатных переговорах следует редкая для воинских повестей картина пира в стане Ярослава и Юрия. Во время него обсуждаются дальнейшие действия и князья дают наставления воинам о будущей битве. Затем они начинают делить земли, которые надеются захватить в результате битвы, и скрепляют договор грамотами. Здесь летописец забегает вперед, говоря о том, что «ты же грамоты взяша смолняне по побѣдѣ въ станехъ Ярославлихъ и даша своимъ княземъ» (267). Нарушение хронологии было необычным для жанра.

Вторая часть начинается с рассказа о подготовке основного сражения: хитрости Ярослава и Юрия, вызвавших противников на бой к Липице, но за ночь отодвинувших войска за лес, на гору, и переговорах о месте боя. Собственно описание сражения состоит из двух эпизодов. В первый день Мстислав с союзниками отправили биться младшую дружину, и те «бьяхутся неприсердъно. Бяше бо того дни буря и студено вельми» (268). В этом случае мы встречаемся с редким объяснением хода событий природными явлениями, а само описание боя укладывается в рамки погодной записи. Сцена второго боя отделена от первого рассказом о совете Мстислава с союзниками и их обращении к воинам. Битва на всех этапах описана детально, при этом использована лишь одна редкая формула: «Юрьи и Ярославъ, видьвше **акы на нивѣ класы пожинаху**,

побѣгоста...» (270). Сообщение о победе сопровождается точным указанием на дату: «месяца апрѣля 22, в четверг в 2 неделю по Пасцѣ» (270). Затем следует авторское рассуждение о победе, подкрепленное подсчетом войск, которые были побеждены.

Третья часть тоже гораздо более пространна, чем в НIЛ, она повествует о судьбе побежденных и победителей: бегстве Юрия во Владимир и отказе жителей защищать город, жестокости Ярослава, бежавшего в Переяславль и приказавшего убить купцов – новгородцев и смолян; сдаче князей в плен и наделении их уделами.

Важной чертой повествования является характерная для новгородских воинских повестей документальность, выражающаяся в первую очередь в обилии цифровых данных. 10 000 войска подходит к Ржевке, передовой отряд Мстислава состоит из 500 человек, воевода Ярун выдерживает осаду со 100 воинами, 100 человек посылает Ярослав в сторожевой полк, из них в плен берут «30 и 3, а 7 ихъ убиша» (264). 500 человек присылает в войско Константин, трех послов отправляют князья к Юрию перед битвой, в бою гибнут 5 новгородцев и один смолянин, 60 человек взяты в плен, «А всѣх избитых 9 000 и 200 и 30 и 3 мужи» (271). Юрий приехал во Владимир на четвертом коне, «а трех отдушилъ» (271), Ярослав добрался до Переяславля на пятом коне, 15 смолян, посаженных Ярославом в темницу, остались живы, а «полтораста» погибли. Примечательно, что цифры, правда, не реальные, а гиперболизированные, вторгаются даже в речь «людей» о Ярославе, перефразирующую библейский текст, в котором указание на числа отсутствовало: «...не 10 убито, ни 100, но тысуща тысущами» (271).

Большой точностью и последовательностью отличаются датировки событий, важнейшие из которых уже были отмечены. Таким же образом отмечаются автором и события промежуточного характера: войска Мстислава подошли к Городищу на реке Сарре «апрѣля 9, на Великъ день» (265), против Переяславля они останавливаются «въ Фомину недѣлю» (265). С момента начала основных военных действий летописец указывает время суток или часы событий: «и поидоша тои нощи», «заутра же приидоша», «бишася ти день и до ночи», «заутра же хотеша поити к Володимеру» (268), Юрий прибежал во Владимир «о полудни», «к вечеру» и «нощи тоя» вернулись туда же воины, «заутра» Юрий созвал людей на совет (271), князья-

победители «тыи день стояша на побоищѣ», около Владимира они «сташа в недѣлю порану», княжеский двор загорелся «тое ночи», « Въ вторникъ на нощь въ 2 часъ нощи загорѣся городъ и горѣ до свѣта», «заутра же рано» (272) Юрий выехал к победителям, «в ты день» Константин одарил князей и бояр, князья пошли к Переяславлю «в пятокъ 3 недѣли по Пасцѣ», пришли туда «въ среду на Преполовление» (273). Автор использует и точные датировки, и относительные указания на время. Такая детальность временного расположения событий была редким явлением в летописных повестях.

Точны и топографические указания повести, последовательно отмечены все пункты на пути войск Мстислава, места остановок: верховья Волги, Городец, Ржевка, Зубцев, Холохна, Тверская земля, в 15 верстах от Торжка Ярослав снаряжает сторожевой полк, посольство Мстислава отправляется в Ростов, на пути князья сжигают Шешу, Дубну, Кснятин, Поволжье, идут по Волге вниз, к Переяславлю, Юрий выходит из Владимира и с Ярославом становится на реке Гзе, Мстислав с союзниками – у Юрьева, Константин – на Липице. Как время с начала подготовки к основной битве расчислено по частям суток, так и места, где остановились войска, описаны детально. Мстислав подошел к Липице, а противники ночью «перескочили бяху за дебрь» (268), Юрий и Ярослав ставят полки на горе Авдове, а их враги – на Юрьеве горе, посреди которой течет ручей Тунег. Расположение войска, решение, на каких позициях биться, становятся предметом княжеского совета. После битвы около Юрьева слышатся стоны раненых, многие тонут в реке, выжившие бегут во Владимир, Переяславль, Юрьев. После сдачи побежденных князей детально рассказывается о разделении городов и называются пункты, куда отправляются победители.

Преодоление обычного летописного схематизма, точность временных и пространственных характеристик событий придают повествованию художественную достоверность, подчеркивая напряженность действия, способствуя четкой сюжетной организации.

В этой редакции каждая из традиционных частей воинской повести составлена из ряда эпизодов, детализирующих ход событий. Важнейшим средством сюжетной организации становится прямая речь героев, функции которой проясняются при сравнении с более ранней редакцией Новгородской I летописи старшего извода. В повести по Софийскому своду 36 случа-

ев прямой речи: 18 в первой части, 7 в описании боя, 11 в третьей части. Такое распределение речей в целом соответствует соотношению объема частей повествования. По сравнению с новгородской редакцией многообразнее становятся типы речей: посольские – 14, княжеские – 15, воинов – 2, бояр – 2, «людей» – 3. Возрастание количества и типов речей связано не только с большим объемом произведения, но и с изменением кругозора автора. Если летописец, создавший редакцию, вошедшую в новгородский свод, пользовался сведениями, исходившими от очевидца событий с новгородской стороны, то автор повести, помещенной в Софийской летописи, осведомлен о событиях, происходивших в станах обоих войск. Поэтому он приводит не только речи, передаваемые послами, но и речи князей обеих сторон, обращенные друг к другу, вследствие чего возрастает количество княжеских реплик. В связи с превращением отдельных сообщений ранней повести в сюжетные фрагменты и введением новых эпизодов появляются речи бояр и безымянных «людей».

Посольские речи в этой редакции в значительной мере связаны с характеристикой действующих лиц. Лишь некоторые из них носят исключительно иллюстративный характер (например, отсутствовавшая в новгородском своде речь Константина, через посла Еремея сообщавшего об отправлении помощи к Мстиславу и просьбе прислать Всеволода для переговоров). Большинство речей не просто передают ход событий или мотивируют его, но и характеризуют побуждения и мысли князей, противоположные у представителей враждующих сторон. В речах Ярослава и Юрия ведущий мотив – гордость своей силой и желание продолжать междоусобную войну, начатую захватом чужих владений. Для Мстислава и его союзников главное побуждение – отстоять справедливость, если представится возможность, мирным путем, а также упование на Божью помощь. Эти мотивы явственно звучат в репликах по ходу первого посольства к Ярославу в Торжок. Слов посла Мстислава в тексте нет, сообщается лишь, что он должен был договориться «о миру». Зато выразителен ответ Ярослава: «Миру не хощу. Пошли есте, поидѣте же, но ни сту насъ достанется одинъ васъ» (263). Уверенность в победе, которой он достигнет превосходящими силами, явно звучит в этой речи. Мысли противников Ярослава при получении этого известия выражены в их общей реплике: «Ты, Ярославе, с плотью, а мы съ крестомъ честнымъ» (264). В этих словах

тоже звучит уверенность, но не в своих силах, а в Божьей помощи правому делу.

Отчетливо раскрываются личности князей и на следующем этапе переговоров, который, хотя и более сжато, был описан в новгородской летописи. Незначительная деталь организации речей в этом эпизоде выразительно свидетельствует о различии манер двух авторов. Одна реплика в новгородской повести, с которой новгородцы обращались одновременно к Юрию, говоря, что у них нет «обиды» с ним, и к Ярославу, выдвигая условия заключения мира, разделена в Софийской летописи на две. Сначала Ларион отправляется к Юрию с сообщением, что князья вышли против Ярослава, а не против него. На это Юрий отвечает: «Одины есмя братья съ Ярославомъ» (266). Лишь после этого посол отправляется к Ярославу и получает ответ, причем обе реплики сходны с ранней редакцией. Стремление детально представить каждого из действующих лиц явственно сказывается в преобразовании этого фрагмента.

Вслед за этим появляется посольская речь, которой не было в ранней редакции. Мстислав и его союзники еще раз высказывают свои миролюбивые намерения, желание избежать кровопролития и выдвигают решение, которое позволит князьям восстановить мир: «Мы пришли есмя, брате князь Юрьи и Ярославе, не на кровопролитие крови. Не даи Богъ створити того. Управимся! Мы есмя племенници сѣбе, а дадимъ старейшиньство князю Костянтину. А посадите и в Володимерѣ, а вамъ земля Суздальская вся» (266). Ответ Юрия, переданный в форме обращения к послу, по существу не содержит ничего нового по сравнению с тем, что был дан на предложение мира в Торжке, но необходим для того, чтобы еще раз подчеркнуть гордость и самоуверенность Всеволодовичей: «Рци братьи моеи, княземъ Мьстиславу и Володимеру: «Пришли есте да куды хотите отъити». А брату князю Костянтину молви: «Перемога насъ, тобѣ вся земля» (266).

Две реплики, связанные с решением о месте битвы, которые переданы через послов, носят в основном сюжетный характер, хотя в речи Юрия, отвечающего на предложение выйти из-за леса, вновь звучит уверенность в превосходстве его сил.

Речи князей, обращенные друг к другу и к воинам, еще ярче выявляют контраст между двумя группами персонажей. Перед битвой Всеволодовичи обращаются к боярам и «первым людям», пытаясь возбудить их храбрость обещанием во-

енной добычи, и призывают убивать в бою даже князей, а после боя – пленных воинов. Эта речь обличает не только уверенность в своей победе, но и редкую жестокость: убийство врагов-братьев оказывается единственным путем решения междоусобных споров.

Иными настроением и мыслями характеризуются реплики Мстислава и его союзников. Новгородский князь перед битвой, когда князья сетуют на неудобное расположение войск, старается поддержать их дух: «Позряще на креста честнаго и на правду, поидемъ к нимъ» (269). А затем Мстислав и Владимир Смоленский обращаются к своим воинам, призывая их быть храбрыми в бою и не думать о смерти. Эта речь принадлежит традиции княжеских речей перед боем, заложенной в «Повести временных лет» знаменитым обращением к воинам Святослава Игоревича, которому затем подражали многие летописцы. Она содержит воззвание не к корыстолюбию или жестокости, как в речи Всеволодовичей, а к чувству справедливости и воинской доблести. Такое противопоставление – добра и зла, веры в справедливость и веры в силу – позволяет ярче обозначить не только облик героев, но и позицию автора.

Возможность решить споры мирным путем, не использованная Всеволодовичами, подчеркнута эпизодом, отсутствовавшим в редакции НIЛ. Это сцена пира в шатре с боярами. Один из них предложил заключить мир, говоря о справедливости притязаний Константина на Владимирское княжение и о воинских доблестях врагов. Но князьям не понравилась его речь. Они поддержали другого боярина, который хвастался прежним могуществом Суздальской земли, а заодно и силой войска, говоря: «Аже нынешнии полци, право навержемъ ихъ сѣдлы» (267). Вся эта речь построена на гиперболизации своих сил, с ее помощью летописец подчеркнул гордыню не только князей, но и воинов.

С помощью прямой речи показано и то страшное наказание, которое постигло гордецов. После рассказа о поражении Всеволодовичей летописец приводит слова неких «людей», которые прямо упрекают Ярослава в гибели множества воинов, используя неточную цитату из Библии, рисующую картину разгрома войска. Их словами окончательно решается вопрос о том, кто из князей был прав: Мстиславу досталась победа, его противники осуждены и Божьим, и человеческим судом.

В последней части повести в основном звучат речи князей Всеволодовичей, контрастные по настроению их же высказы-

ваниям в начале событий. Юрий вынужден просить владимирцев оборонять город, забывая о том, что все войско погибло, о чем ему напоминают мирные жители. Затем он просит не выдавать его врагам, надеясь умилостивить противников добровольной сдачей в плен. В этом фрагменте представлены уже не отдельные речи, а диалог, достаточно редко появляющийся в воинских повестях, причем князь, хвалившийся своей силой, предстает как униженный проситель.

Особенно ярко новое, смиренное отношение к противнику, к которому раньше высказывалось презрение, проявляется в двух схожих обращениях Юрия и Ярослава к победителям, в которых они вручают им свои судьбы. Юрий говорит, выходя из города: «Братья, вамъ челомъ бью! Вамъ живота дати и хлѣба накормити, а братъ мои Костянтинъ въ вашеи воли!» (273). Это смирение князя, прежде гордившегося своей силой и заранее, до битвы, разделившего чужие земли, подчеркивает славу победителей, оказавшихся милостивыми, и мотивирует их решение об уделах для Всеволодовичей. Ярослав произносит слова, сходные с речью брата, а в конце повести обращается с униженной просьбой к тестю Мстиславу, забравшему у него жену, свою дочь, моля вернуть ее и признавая свою неправоту.

Характеризуют героев не только их собственные речи, но и слова других персонажей. Боярин Юрия, предлагающий заключить мир, подчеркивает воинскую доблесть противников: «...да князи мудри суть и рядни, и хоробри, а мужи ихъ новгородьци и смолняне дерзи къ боеви. А Мьстислава Мьстиславича и сами вѣдаета в томъ племени, оже дана ему от Бога храбрость изъ всѣх» (266). Оценку своим воинам во время княжеского совета дает князь Константин, опасающийся хитрости со стороны противников: «...мои къ боеви люди не дерзи. Тамо и разидутся в городы» (268). Таким образом, функцию взаимохарактеристики выполняют только речи, произнесенные персонажами лично, не посольские, т. е. наименее документальные.

Большинство речей, помимо традиционных для них иллюстративной и сюжетной функции, приобретает важное значение для характеристики персонажей, способствуя созданию индивидуального облика князей и отчетливому выражению авторской позиции.

Важной особенностью повествования является значительное количество описаний военных событий. Например, подробно рассказывается о выступлении в бой новгородцев и смо-

лян, которым князья предложили выбрать, как сражаться: пешими или конными. Детально описывается каждый эпизод военных действий. Яркость облика героев повести, детальность изображения на фоне прочих повествований о событиях XIII в. в Софийском своде могут показаться неожиданными. Разгадку необычных черт повествования в какой-то мере подсказывает само произведение. Во всей повести, но особенно в описании военных действий, встречаются фрагменты, невольно наводящие на мысль о сопоставлении со «Словом о полку Игореве». Приведенные далее наблюдения были опубликованы в более ранней статье[7] и отчасти совпали с сопоставлениями, сделанными А. С. Деминым на материале той же повести в редакции Новгородской Карамзинской летописи[8].

Прежде всего сходно отношение новгородских летописцев и автора «Слова» к междоусобным битвам, выраженное в уже цитировавшемся авторском отступлении, появившемся в НIЛ и сохраненном СIЛ, прямо перекликающемся с текстом «Слова». В обеих оценках ключевым моментом является мысль о противоестественности разрыва кровных уз во время усобиц.

Детальные описания хода военных действий в ряде случаев находят себе аналогии в тексте поэтического произведения. В ночь перед битвой полки Мстислава и его союзников «пороложилися, стояща за щиты, всю нощь кликаша бо въ всѣх полцѣх» (268). Описание это рисует готовность войска к бою и не имеет никакого значения для дальнейшего развития сюжета, так же как фрагмент «Слова»: «Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбрии Русици преградиша чрълеными щиты» (5).

Изображение Мстислава в бою напоминает образ Всеволода Буй Тура: «Князь же Мьстиславъ, проѣхавъ 3 же сквозѣ полкы княжи Юрьевы и Ярославли, сѣкучи люди, бѣ бо у него топоръ с паворозою на руцѣ, и тѣмъ сѣчааше» (270). В «Слове» читаем: «Яръ туре Всеволодѣ! стоиши на борони, прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными. Камо туръ поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежать поганыя головы половецкыя» (5). Выделение образа князя, как бы в одиночку сражающегося против врагов, гиперболизация его силы сближает оба отрывка. Привлекает внимание употребленное в приведенном отрывке редкое слово «павороза», которое означало «петлю из ремня или тесьмы на рукоятке оружия, надеваемую на руку во время боя»[9]. Пример, иллюстрирующий значение слова в словаре, дан имен-

но из рассматриваемого текста. Лексема «павороза», видимо, встречается и в «Слове», по крайней мере, первые издатели произведения прочитали: «Суть бо у ваю желѣзныи папорзи подъ шеломы латинскими» (8), что многие исследователи более позднего времени предлагали изменить на «паворзи», имея в виду «тесемки на головном уборе», которые у западноевропейских шлемов были сделаны «из ремней, укрепленных железными пластинками»[10].

В той же сцене боя появляется еще один образ, родственный «Слову», которое неоднократно представляет битву в символах земледельческого труда: «Князь же Юрьи и Ярославъ, видѣвше **акы на нивѣ класы пожинаху**, побѣгоста с меншею братьею...» (270). Характерно, что в этом случае, как и в «Слове», метафорический образ не развернут через сравнение. В СIЛ этот образ использован один раз, поэтому можно думать, что появился он закономерно при усвоении целого ряда фрагментов поэтического памятника. Вообще в летописных воинских повестях, не связанных по происхождению с новгородско-софийскими сводами, мною не обнаружено образов этого ряда, а приведенные Д.С. Лихачевым примеры их летописного использования[11] взяты из Московского Академического списка Суздальской летописи в той части, которая восходит к СIЛ.

Дважды образы, появляющиеся в речах персонажей, также напоминают «Слово». Перед боем Ярослав и Юрий призывают не брать пленных: «Аще и золотомъ шито облечье будеть, убии» (267), – таким образом предполагая, что в бою могут быть убиты и князья. Золотое оплечье – атрибут князя, многие исследователи считают, что о нем упоминается в «Слове» в связи с гибелью Изяслава Васильковича: «Единъ же изрони жемчюжну душю изъ храбра тѣла чресъ злато ожерелие» (32)[12]. В летописных текстах, по моим наблюдениям, эта деталь больше не встречается, не воспроизводит ее и ряд летописей, следующих тексту Софийской.

Речь Мстислава и Владимира, укрепляющих дух своих воинов перед битвой: «Братие! Се вошли есмя в землю силную. А позря въ Богъ, станемъ крѣпко, не озираемся назадь. Побѣгше, не уити. А забудемъ, братие, домов, женъ и дѣти. А кому не умирати?» (269) – как уже упоминалось, связана с летописной традицией княжеских речей к войску. Но мысль о том, что воин в бою должен забыть обо всем дорогом, необычна для летописи и отчетливо звучит в «Слове» в связи с обра-

зом Всеволода: «Кая раны дорога, братие, забывъ чти и живота, и града Чрънигова отня злата стола и своя милыя хоти красныя Глѣбовны свычая и обычая?» (26).

В финале описания битвы есть три фрагмента, также наводящие на мысль о подражании «Слову». Д.С. Лихачев писал о символическом значении некоторых воинских атрибутов, в том числе стяга[13]. В «Слове» целый ряд эпизодов включает этот символ, для нашего сопоставления наиболее интересны два: «Трубы трубять въ Новѣградѣ, стоять стязи въ Путивлѣ» (4) – так рассказал автор о начале похода Игоря на половцев; «Третьяго дни къ полуднию падошя стязи Игоревы» (6) – сообщил он о поражении северских князей. Автор летописной повести с помощью тех же символических атрибутов подчеркивает былую силу побежденных, которые заранее хвалились своей победой: «Се бо слава ею и хвала погыбе, и полци силнии ни во что же быша, бяше бо у князя у Юрья стяговъ 13, а трубъ и бубновъ 60. Молвяхуть бо и про Ярослава: стяговъ у него 17, а трубъ и бубновъ 40» (271). Вслед за этим утверждением автор повести передает укоры людей Ярославу: «Яко тобою ся намъ многа зла створи. Про твое бо преступление крестное речено бысть: «Приидете птица небесныя, напитаитеся крови человеческыя; звѣрие наядитеся мясъ человеческыхъ: не 10 бо убито, ни 100, но тысуща тысущами» (271). Речь эта содержит цитату, нечасто включавшуюся в летописные повести, на ее источник, книгу пророка Иезекииля 32:4, указал Я.С. Лурье[14]. Точнее было бы говорить о соединении двух стихов этой главы – четвертого и пятого: «И посажду на тебѣ вся птицы небесныя, и насыщу тобою вся звѣри всея земли, и повергу плоти твоя на горахъ, и наполню кровию твоею всю землю». Это пророчество преобразовано летописцем в единую картину гибели разгромленного войска. Основа образа повторяется и в других библейских книгах: «И будуть трупие людии сихъ во снѣдь птицамъ небеснымъ и звѣремъ земнымъ» (Иер. 7:33, 16:4, 34:20; ср. также 1 Цар 17:46, Пс.78:2–3 и др.), так что его можно рассматривать как одно из «общих мест» в Библии. Автор повести усилил трагическую картину гибели войска цифровой гиперболой, близкой по типу к тем, что обычно использовались воинскими повестями. Остается непроясненным вопрос, почему летописец, почти не включавший в свой текст библейских цитат, обратил внимание на этот мало распространенный образ. Это обстоятельство можно объяснить, если, следуя за предшествующими фактами, пред-

положить, что автору повести был известен текст «Слова», в котором появилась картина гибели полоцкого князя Изяслава Васильковича: «Дружину твою, княже, птиць крилы приодѣ, а звѣри кровь полизаша» (9). Этот фрагмент, вероятно, сам происходит из библейских книг, что было отмечено В. Н. Перетцем[15], а В. В. Кусков указал на его источник – Пс 78:2–3[16]. Для летописца он мог послужить основой создания картины, близкой к первоисточнику, но не повторяющей ни его, ни более раннее поэтическое произведение. Воскресенская и Никоновская летописи, следующие той же версии повести, опустили этот фрагмент, из сводов XIV–XV вв. тот же стих Псалтири точно процитирован в Лаврентьевском под 1237 г. (463).

Картину поражения Ярослава и Юрия завершает фрагмент, также находящий аналогию в тексте «Слова»: «... бяше бо слышати кричь живых, иже не до смерти убитых, и вытие прободеных въ Юрьевѣ городѣ и около Юрьева...» (271). Упоминая о тяжелом сражении с половцами в Переяславской земле после поражения Игоря, автор «Слова» пишет: «Се у Римъ кричатъ подъ саблями половецкыми, а Володимиръ подъ ранами» (8). Звуковая картина боя в воинских повестях предшествующей и рассматриваемой эпохи, как правило, сводилась к стуку оружия, поэтому весьма вероятно, что в повести о Липице автор воспользовался картиной поэтического памятника. Таким образом, многие необычные для воинского повествования явления, проявившиеся в повести по СIЛ, могут быть объяснены знакомством автора этой редакции с текстом «Слова о полку Игореве». Сам факт такого знакомства не представляется невероятным, поскольку следы памятника XII в. обнаружены в произведениях Куликовского цикла, написанных, вероятно, в то же время, что и редакция повести о битве на Липице.

Богатство и яркость воинских описаний в повести о битве на Липице почти исключали использование воинских формул. Формула начала битвы видоизменена и перенесена в середину описания боя: «створиша брань велику» (270). Устойчивое определение «бесчисленое множество» (270) отнесено, как обычно, к погибшим воинам, но появляется не в описании исхода битвы, а в эмоциональном авторском восклицании: «О много побѣды, братье, бесчисленое множество, яко не можеть умъ человеческыи достигнути, княжих Юрьевых и Ярославлих избьеных» (270). Разбита на два предложения и распространена формула судьбы побежденных: «...а **мнозии** истопоша, бѣжачи, в рецѣ. А

инии ранены, и, зашед, изъмроша, а живии побѣгоша, **овии** к Володимирю, а **инии** к Переяславлю, а **инии** въ Юрьевъ» (271). Внутри традиционной конструкции появляется дублирующий ее по составу трехчлен, указывающий на места бегства воинов. Сообщение о возвращении победителей тоже напоминает формулу: «вземше свою честь и славу» (274), но оно сходно и с текстом «Слова», в котором одним из рефренов были слова «ищучи себѣ чьти, а князю славѣ» (4). В СIЛ эта формула чаще всего появляется в другом виде: «съ побѣдою великою».

Позиция повествователя выражена в произведении не только через ход событий, антитетические характеристики героев, но и в эмоциональных репликах – отступлениях. Сочувствуя новгородцам, автор одновременно оказывается противником всяких княжеских распрей, что заставляет его отчетливо провести идею о победе князей, с самого начала желавших мира, а не войны.

Таким образом, повесть о битве на Липице развивает традицию летописной повести событийного типа. В соответствии с новыми веяниями эпохи – вниманием к человеку и обращением к произведениям домонгольской литературы как образцам[17] – автор, опираясь на древнее новгородское повествование, создал произведение с более мотивированным развитием сюжета, достигающимся широким использованием речей персонажей, документальностью и детализацией изображения событий. Воинские описания, видимо, навеяны автору поэтическими образами «Слова о полку Игореве». Персонажи повести представлены не только через действия, как это было принято в воинских повестях, но и через речь, взаимохарактеристики. Более активно, чем в других повестях, выражается позиция летописца.

Повесть в Московском своде 1479 г. в целом следует версии, вошедшей в СIЛ, но автор сокращает текст, опуская отдельные фрагменты, а временами пересказывая источник. В ней опущены авторское отступление в конце битвы с перечислением предположительного количества войск побежденных, прямая речь горожан, осуждающих Ярослава и использующих при этом библейский образ, речь Ярослава к Мстиславу с просьбой вернуть жену. Сокращены речи Ярослава перед битвой (из первой исчезло яркое сравнение, обращенное к врагам) и побежденных к победителям. Более сдержанны и описания военных действий, в том числе, например, исчезло изображение Мстислава в битве, напоминающее «Слово о полку

Игореве». Таким образом, сняты те элементы, которые носили ярко выраженный оценочный характер, помогая летописцу изобразить в отрицательном свете инициаторов междоусобицы и поляризовать изображение князей-противников в повести. Возможно, такая работа была связана с тем, что в отрицательном качестве выступали владимирские князья, предки московских великих князей, поэтому московский летописец, который, судя в целом по тексту свода, старался быть объективным, не снимая полностью осуждения зачинщиков междоусобицы, пытался смягчить их негативную оценку.

Своеобразно переработана повесть в Тверском сборнике, хотя основным источником ее послужила редакция, отразившаяся в СIЛ. Редактор перенес рассказ о голоде в Новгороде и об ограблении Ярославом в Торжке новгородских купцов и послов, послужившем причиной междоусобицы, в летописную статью 1216 г., тогда как в большинстве предшествующих сводов (исключая Рогожский) этот рассказ находился в предыдущей годовой статье. Он составляет экспозицию основного сюжета.

Первая часть повести вначале довольно точно следует за редакцией XV в. Есть лишь несколько изменений: сняты рассказ о посольстве к Ярославу, включающий посольскую речь и речь Мстислава и союзников между собой; эпизод выхода Ярослава к Твери. Из фрагмента о посылке сторожевого отряда сохранено только описание боя Яруна с отрядом Ярослава. В него внесены традиционные черты: введена формула «и бысть имъ бой» (319)[18], конкретное перечисление потерь Ярославова полка заменено формулой судьбы побежденных: «изби сторожи Ярославли, а **иныхъ** изымаша, а **инии** утекоша во Тфѣрь» (319). Существенно сокращены речь боярина Константина Ростовского Еремея, перечисление сил Юрия и Ярослава, посольские переговоры.

Сцена пира Юрия и Ярослава с боярами перенесена и помещена после рассказа о выборе позиции для битвы. Благодаря этому все сведения о перемещениях войск перед битвой сведены воедино, а не прерываются описанием пира, как в Софийском своде.

Сцена пира начинается с упоминания о гордости князей своими силами, причем автор использует гиперболу, отсутствовавшую в более ранних редакциях: «якобы мнѣти десять суждалтинъ на единого новгородца» (321). После речи боярина, получившего в этой редакции говорящее имя Творимир

(как и в варианте HIVЛ), который напомнил князьям о воинской доблести врагов, летописец добавил от себя: «...бѣ бо Мьстиславъ легокъ и храберъ» (321). В ответ на реплику Творимира речь произносит не другой боярин, как в предшествующих летописях, а сам князь. Он смеется над словами воеводы: «...яко по своей волѣ велитъ ми ся стола отца своего отступити» (321). А дальнейшая его речь соединяет слова боярина, вспоминающего о славе и силе Русской земли, которые были в СIЛ, с частью реплики князя о том, как поступать в бою с врагами, помещенной в том же своде несколько позже. Второй же боярин подтверждает правоту князя, замечая: «...правь еси, княже, право ихъ наврьжемъ сѣдлы» (321). Такое изменение ролей персонажей характерно для XVI в., когда власть князя воспринималась как безусловная. Поэтому именно князю предоставлено право выдвинуть аргументы, обусловливающие окончательное решение о битве.

Летописец вводит далее сообщение, ярко характеризующее Ярослава: «И повелѣ князь прьваго съвѣтовавшаго о миру, яко перевѣтника, изврещи вонъ; а съ тѣмъ же послѣднимъ начаша веселитися и пити» (321). Отношение князя к двум советникам, явно домысленное и более отчетливо охарактеризованное редактором (в раннем тексте упоминалось лишь о недовольстве его первым советом), подчеркивают самолюбие и недальновидность персонажа.

В изображении последних приготовлений к бою снят целый ряд фрагментов. В частности, сокращена речь Мстислава к воинам, особенно ее традиционная героическая часть: из нее исчезли элементы, напоминающие в варианте СIЛ «Слово о полку Игореве». Изъят из текста эпизод, рассказывающий об участии воеводы Ивора в битве.

В описание сражения введены распространенные формулы начала боя «и бысть сѣча зла» и бегства «тъй вдасть плещи» (322) и снята редкая формула «акы на нивѣ класы пожинаху».

Авторское отступление о величии победы полностью преображается по смыслу, поскольку летописец соединяет его с расширенным, по сравнению с СIЛ, описанием поля битвы, да еще добавляет после первого восклицания реплику, смещающую акценты в оценке событий: «О многыа побѣды, братиа! Кто не въсплачется *слышавъ сию горкую побѣду надъ своею братиею*, вытие прободеныхъ *и гласъ протинаемыхъ, и еще живыхъ сущихъ и кричащихъ отъ болѣзни?* Многое бо множество избытихъ, яко ни умь человѣческий не можетъ смыслити; *не токмо на бoищи костры*

мертвыхъ, но и по многымъ мѣстомъ лежаше трупие, овии мертви, а друзии еще дышуще; много же отъ нихъ не переимани и повязани, плачущеся грькымъ плачемъ, видяще своихъ мертвыхъ не погребеныхъ» (322–323). Детализация сообщений, не свойственная предшествующим редакциям, основана на авторском домысле.

После этого описания-плача, ярко выражающего отношение автора к междоусобице, упомянуто о храбрых воинах, сражавшихся в войске Константина, – Олешке Поповниче, слуге его Торопе и Тимоне Золотом Поясе. Эти персонажи появляются и дальше в тексте Тверской летописи, но в повести о Липице их упоминание не связывается с конкретными событиями.

Из произведения исключено перечисление воинских атрибутов, указывающих на число воинов у Юрия и Ярослава, и слова людей, укоряющих князя. Зато вслед за перечислением количества погибших с обеих сторон приведен список убитых новгородцев, соответствующий свидетельству HIЛ обоих изводов и отсутствующий в CIЛ.

Отдельные изменения внесены в ту часть повести, которая рассказывает о возвращении побежденных князей в свои города. Так, автор поясняет слова владимирцев о том, что им не с кем оборонять город, репликой: «Бѣ вышли вси володимерци на бой, и до купца и до пашенного человѣка» (323). Здесь же летописец привел картину народного плача во Владимире и Суздале, подчеркивающую горе простых жителей: «...не бѣ бо такого двора, идѣже бы кричаниа и въпля не было, и странно бѣ видѣти человѣкы изъопухша отъ слезъ» (323). Как и в описании последствий битвы, отличительной чертой этого фрагмента является конкретность, достигающаяся бытовыми деталями, нехарактерными для предшествующих редакций. Сокращена история мирных переговоров князей, в рассказе о возвращении Мстислава в Новгород использована формула «придоша вси здорови» (325).

Таким образом, переработка повести о битве на Липице, вошедшая в Тверской сборник, коснулась всех частей повествования. Основными направлениями ее можно считать: сокращение малозначительных деталей рассказа, отдельных речей персонажей; изменение последовательности отрывков, в результате чего создается строго логичное повествование; введение наиболее распространенных воинских формул для оформления описания битвы и изъятие необычных художественных средств, в том числе сближавших повесть в CIЛ и HIVЛ со «Словом о полку Игореве»; усиление выражения позиции по-

вествователя за счет распространения эмоционального отступления и детализации картин плача по убитым и чувств жителей владимирской земли. Вследствие этих изменений повествование становится менее живописным, но более динамичным и эмоциональным, а по структуре и стилистике больше соответствует традиции жанра, чем повесть СIЛ.

В Никоновском своде повесть, в целом ориентированная на вариант СIЛ, также содержит ряд изменений. Первое направление их – сокращение отрывков текста, рассказывающих о деталях событий. Так, редактор снимает дату начала похода, краткие сообщения об осадах городов на пути к Липице; эпизод взятия пленника, рассказавшего об уходе Ярослава из Переяславля, перечисление воинов Ярослава, выставленных в бою против Владимира Смоленского; сообщение о том, что князья и воеводы, в отличие от воинов, выступили в бой на конях; редкую формулу «акы на нивѣ класы пожинаху»; значительный фрагмент, ярко описывающий последствия битвы; детали в рассказе о приезде Юрия во Владимир; характеристики князей-победителей и Ярослава, затворившегося в Переяславле; заключительное сообщение о возвращении победителей в свои вотчины, содержавшее формулу. Эти сокращения не меняют приниципиально сюжета повести, но снимают осложняющие его подробности, делая развитие действия менее подробным, но более динамичным.

Второе направление переработки текста – внесение дополнительных фрагментов. Большинство их связано с появлением новых персонажей в произведении. Трижды упомянут Александр Попович: в сообщении о приходе на Липицу войска Константина Ростовского, где названы также его слуга Тороп и Добрыня Златый пояс; в словах боярина князя Юрия, который вместе с ними называет еще Нефедья Дикуна; наконец, в эпизоде столкновения на поле битвы богатыря с князем Мстиславом. Дважды – в эпизодах пира и ночного совета князей – появляется старый боярин Андрей Станиславич, с которым связаны дополнительные сюжетные ходы.

Новые фрагменты вносятся в текст и в тех случаях, когда редактор стремится расширить характеристику персонажей, которые уже были в ранней редакции повести, особенно передавая их состояния и чувства. Редактор СIЛ приводил сведения о том, что в момент встречи войск Мстислава и Константина они целовали крест друг к другу. Никоновская летопись распространяет это сообщение: «...и объемше целовашася, и *радостию*

велиею *возрадовашася* и крестнымъ целованиемъ укрѣпишася въ *единствѣ и единомыслии* быти» (70)[19]. Сообщение о факте заменяется рассказом о чувствах людей, участвующих в событиях, выразительность которому придает синонимия и тавтология. Во время мирных переговоров на слова Мстислава о том, что великое княжение нужно отдать Константину, Юрий с братией «оскорбися и въ ярость приде», «разсверѣпеша, и приидоша въ ярость велию надѣющеся на многое воинство, понеже много воиньства собраша, и сице ряшеся» (71). После речи старого боярина, советующего заключить мир, князья «зѣло разъярися и разсверѣпе, и начя сюду и сюду метатися» (72). В рассказе о расстановке полков князьями появился фрагмент, в котором главным оказывается тоже описание состояния, но уже не отдельных героев, а всех войск: «И начяша сходитися полци, и бысть сила многа, и бысть *страхъ и ужасъ* на всѣхъ, яко единъ родъ и едино племя кровь проливають ни за чтоже, и много плакаше имущеи *страхъ* Божий въ себѣ, и бѣ же той день солноченъ и знойно зѣло, и се въста вѣтръ, и прииде облакъ, и биаше громъ безпрестани, и млъниа сожигающи страшно, и бысть *страхъ* на всехъ, и стоаху много, ни сии ни они другъ на друга не поступающа, ни мира хотяще: *разсверѣпишася* бо яко звѣри» (73–74). Мотив страха, последовательно проведенный лексически через весь фрагмент, подкрепляется отсутствующим в других редакциях описанием грозы, которая традиционно сопоставлялась с образами боя. В данном случае редактор ломает традицию, поскольку представляет грозу как символическое предупреждение нежелающим заключить мир, которое вызывает у них еще больший страх.

В одном случае дополнение касается не чувств героев, а характеристики качеств Мстислава. В сцене битвы, рассказывая об участии в ней князя, редактор замечает: «...и бѣ самъ крѣпокъ и мужественъ, и великую силу имѣа и усердьство» (74).

В ряде фрагментов редактор поясняет некоторые детали. Например, сообщив о пире Ярослава и Юрия с боярами, он объясняет, почему бояре начали высказывать мнения о дальнейших действиях, упомянув, что князья спрашивали у каждого из воевод, «како на бой съ ними сходитися» (71). В эпизоде перестановки князьями ночью войска за лес редактор ввел сообщение об укреплении ими избранной позиции: «...и внидоша в крѣпость, и осекъ осекоша, и колье набиша» (73).

В рассказе о подготовке к битве, пытаясь объяснить события, редактор искажает их смысл. Он снимает слова новгород-

цев о том, что они будут биться пешими, как их отцы на Колокше, и добавляет, что они спешились, «зане дебрь бѣ» (74), хотя из ранней редакции следует, что через лес воеводы и князья ехали на конях, т. е. не лес был причиной спешивания воинов. Возможно, причиной ошибки редактора было непонимание текста протографа.

В отдельных случаях летописец дополняет фактические сведения. В CIЛ сразу за упоминанием даты победы, следующим после сцены боя, сказано, что погибло в том бою 5 новгородцев и один смолянин, количество погибших с противоположной стороны не указывается, названо лишь общее число убитых. Вся эта часть в Никоновской летописи перенесена дальше по тексту, во фрагмент, следующий за рассказом о бегстве побежденных князей в свои города, и полностью изменена. За датой битвы следует перечисление имен нескольких погибших с упоминанием, что Мстислав их оплакивал, а общее число погибших в войсках Мстислава и его союзников названо гораздо большее: «кромѣ пѣшцевъ пятьсотъ и пятьдесятъ» (75:1), а в войсках Юрия «седмьнадесять тысящь и двѣсти, кромѣ пѣшцевъ» (75:1).

В описание битвы на Липице автор ввел две распространенные воинские формулы, без которых, вероятно, описание боя казалось ему неполным: «и бысть сѣчя зла», «и лиашеся кровь аки вода» (74).

Следующее направление в редактировании повести – переработка речей персонажей. Количество их здесь примерно такое же, как в CIЛ: 34. Из них посольских 15, княжеских 11, боярских 5, воинов 2, «людей» 1. В первой части повести 17 реплик, в описании битвы 8, в третьей части 9.

Есть несколько случаев замены кратких реплик предшествующей редакции сообщениями. Так поступил автор со словами новгородцев, предлагающих князьям идти к Торжку, которые превращены в сообщение о том, что первоначально новгородцы хотели идти к Торжку, но затем переменили решение. Но гораздо чаще редактор перерабатывал речи персонажей, распространяя их, а иногда меняя их смысл. Происходит это по двум причинам. Во-первых, летописец, писавший о давних событиях, оказался более объективным, чем его предшественники. Это проявилось в снятии ряда авторских реплик по ходу событий, а из случаев прямой речи ярче всего в изъятии слов «людей», оценивающих результаты политики Ярослава. Во-вторых, редактор стилистически переработал речи,

приспосабливая их к тому эмоционально-риторическому стилю, который широко распространился в историческом повествовании в XVI в. и был связан со стремлением ярче изобразить персонажей.

Примером переработки прямой речи может служить посольская речь Мстислава к Ярославу с выдвижением условий мира. В предшествующих редакциях она была лаконичной и сдержанной. В редакции Никоновской летописи не осталось и следа краткости и четкости, свойственных древним посольским речам. Здесь представлено эмоциональное обращение, использующее риторические приемы (синтаксически параллельные конструкции, анафоры, морфологические рифмы), которые должны подчеркнуть несправедливость Ярослава по отношению к новгородцам и Мстиславу и добрую волю к миру, проявленную последним: «Мой есть Новъгородъ, и новогородци мои суть, а язъ ихъ; и се новогородци и новотръжци плачюще вопиють на тебя ко Господу Богу и къ пречистей Его Матери Богородицѣ, и къ моей худости, яко изобидѣлъ еси ихъ; отпусти убо новогородцкиа гости и люди и новотържци, и Волокъ возврати, и прочихъ властей новогородцкихъ отступися, и тако въ мирѣ жити съ новогородци крестнымъ целованием утвердися, еже къ тому таковая не творити, и крови христианскиа не проливати, и чюжихъ не возхищати, и не въ свои предѣлы не въступатися, а до великого князя Юрьа Всеволодича нѣсть намъ ничтоже: ни обидѣния, ни насилиа» (70–71). Торжественно-церемониальный тон этой речи противоречит предшествующей посольской традиции, она носит явно литературный, вымышленный характер. Трудно представить, чтобы она могла быть произнесена послом.

Сходным образом переработан и ответ Ярослава: «Мира не хощу, и гостей не отдамъ, и что взяхъ, то у меня, и еще хощу имати и новогородцевъ всѣхъ казнити; но убо и сего не вѣсте отъ великиа вашиа глупости, яко далече естя зашли, яко овцы ко львомъ, яко теленки къ медвѣдемъ, яко свиньи на поле, яко рыбы на сухо» (71). По сравнению с вариантом CIЛ усилен мотив властолюбия князя, его непомерных притязаний, презрения к врагам и уверенности в своей силе. Это достигнуто появившимся указанием на глупость противника и дополнением сравнения с рыбами параллельным рядом, каждый из членов которого противопоставляет силу одних и слабость других. Большинство посольских и княжеских речей подверглись подобной стилистической переработке, которая во всех случа-

ях приводит к более глубокой и выразительной характеристике говорящих.

Наиболее значительные изменения внесены в речи в рассказе о пире Ярослава и Юрия с боярами, на котором в последний раз обсуждались дальнейшие действия. В отличие от редакции С1Л, где впервые появился этот эпизод и были приведены речи двух бояр, высказывающих противоположные мнения, в Никоновской летописи автором создана ситуация живого разговора. Летописец рассказывает о том, что во время пира князья начали спрашивать мнения каждого из бояр о будущих военных действиях. Те отвечали, и только один старый боярин Андрей Станиславич молчал, «и мняху его, яко отъ старости и мало смыслить» (71). Но когда его спросили: «Како дѣлати съ съпостаты сими?» – он ответил пространной речью, в которой воспроизводились основные аргументы в защиту мира, прозвучавшие в реплике боярина в Софийском своде, но которая полностью переработана стилистически. Князья разъярились, но бояре утешили их словами о том, что боярин стар и не ведает, что говорит. Затем произносит речь второй боярин, убеждающий, что врагов легко будет победить. Его слова также стилистически переоформлены. Таким образом, с помощью введения диалога и описания говорящих редактор Никоновской летописи превратил эпизод пира в живую художественную сцену, связанную с фольклорно-легендарной традицией (старый человек дает мудрый совет: если ему следуют, он спасает войско, если нет – оно гибнет) и в то же время представляющую собой беллетризующий элемент в летописном воинском повествовании.

В повесть введен и второй фрагмент, связанный со старым боярином. В С1Л был эпизод, в котором рассказывалось о шуме в лагере Мстислава в ночь перед боем, который испугал противников так, что они чуть было не бежали. В аналогичном эпизоде Никоновской летописи появляется старый боярин с речью: «Ничто не видѣвъ, почто хочете бѣжати? Не рѣхъ ли азъ вамъ своимъ безумиемъ, яко лутчи вамъ миритися, се бо ни единаго мертваго ни кроваваго видѣсте, и тако усьтрашистеся и на бѣжание уклонистеся; егда же увидите вящша сего сотворшася надъ вами, что тогда не постражете» (73). Речь, построенная на повторах и риторических вопросах, не вносит ничего нового в содержание повести, но служит созданию напряженности в развитии сюжета и играет роль своеобразного пророчества. Линия, связанная с речами старого боярина, представ-

ляет собой сюжетный вымысел, вторгшийся в летописное повествование. Примечательно, что боярин получает имя, не говорящее, как было в некоторых предшествующих редакциях (Творимир), а вполне обычное. Тем самым автор как бы ставит этого персонажа в ряд реальных исторических лиц, действующих в произведении.

Еще один легендарный эпизод, содержащий прямую речь, связан с богатырем Александром Поповичем. В момент сражения он, дружинник Константина Ростовского, не узнал его союзника Мстислава и пытался убить его, но тот закричал: «...яко азъ есмь князь Мстиславъ Мстиславичь». Тогда богатырь сказал ему: «Княже! Ты не дерзай, но стой и смотри; егда убо ты глава убиенъ будеши, и что суть иныя и камо ся имъ дѣти?» (74). Сам эпизод, несомненно, вымышлен, а речь богатыря отражает представление, характерное не для XIII, а для XVI в.: глава войска не должен вступать в бой. Примерно теми же аргументами в «Казанской истории» бояре доказывали Ивану Васильевичу необходимость удержаться от личного участия в битве. Между тем это представление противоречит тексту о битве на Липице, где речами автора и героев подчеркивается воинская доблесть князя Мстислава. Итак, именно в эпизодах, связанных с легендарными персонажами, редактор Никоновской летописи использует вымышленную прямую речь, придающую эпизодам достоверность и динамизм.

Перерабатывая текст о битве на Липице, редактор Никоновской летописи создал повествование со значительными элементами сюжетной занимательности. В то же время он углубил изображение героев, подчеркнув свойственные им качества, изобразив их чувства и состояния. В значительной мере этой цели способствовала стилистическая переработка текста, в процессе которой автор использовал эмоционально-риторические приемы, свойственные в целом стилю свода и появившиеся в историческом повествовании XVI в. под влиянием агиографии.

Таким образом, главными направлениями работы летописцев над текстом на протяжении двух столетий были изменение степени детализации событий и состава действующих лиц, отдельные композиционные перестановки, введение / исключение или распространение речей персонажей, стилистическая переработка.

В литературной истории повести о битве на Липице ярко отразились изменения, происходившие в летописании с течением

времени, следы местных позиций летописцев, стилистические веяния разных эпох. Не случайно интерес к этому сюжету у летописцев не исчезал: позиция древнерусских авторов по отношению к междоусобным войнам во все времена была резко отрицательной, и каждый из них выражал ее, сообразуясь с интересами своего княжества, а затем и всей Руси в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Лурье Я.С.* Повесть о битве на Липице 1216 г. в летописании XIV–XVI вв. // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 96–115.

[2] Здесь и далее текст Новгородской I летописи (далее НIЛ) цит. по изд.: Новгородская I летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. М., 2000. Т. 3.

[3] Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С. 55.

[4] Слово о полку Игореве // Б-ка поэта. Большая сер. Л., 1985.

[5] Текст Рогожского летописца цит. по изд.: Рогожский летописец // ПСРЛ. М., 2000. Т. 15.

[6] Текст Софийской I летописи (далее СIЛ) цит. по изд.: Софийская I летопись старшего извода // ПСРЛ. М., 2000. Т. 6. Вып. 1.

[7] См.: *Трофимова Н.В.* О некоторых связях текста «Слова о полку Игореве» и новгородских летопией // Вестник Московского университета. 2001. № 4. Сер. 9. Филология. С. 55–63.

[8] *Демин А.С.* Об архаизирующем повествовании в «Слове о полку Игореве» на фоне фразеологических параллелей из памятников («железныи папорзи») // Вестник Московского университета. 2001. № 4. Сер. 9. Филология. С. 49–55.

[9] Словарь русского языка X–XVII вв. М., 1988. Т. 14. С. 114.

[10] Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 4. (П–С). С. 12.

[11] *Лихачев Д.С.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978. С. 67.

[12] Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 3 (К–О). С. 374.

[13] *Лихачев Д.С.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени. С. 171–174.

[14] *Лурье Я.С.* Повесть о битве на Липице 1216 г. в летописании XIV–XVI вв. // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 101.

[15] *Перетц В.Н.* «Слово о полку Игореве» и исторические библейские книги // Сб. статей в честь акад. А.И. Соболевского. Л., 1928. С. 10–14.

[16] *Кусков В.В.* Эстетика идеальной жизни. М., 2000. С. 304.

[17] *Прокофьев Н.И.* Нравственно-эстетические искания в литературе эпохи Куликовской битвы // Литература Древней Руси. М., 1983. Вып. 4. С. 4–6.

[18] Текст цит. по изд.: Тверской сборник // ПСРЛ. М., 2000. Т. 15.

[19] Текст цит. по изд.: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. М., 2000. Т. 10.